

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

Олег СОЛДАТОВ

ЗАКУЛИСЬЕ

Комедия в 3-х действиях

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2009

О. М. Солдатов. Закулисье. Комедия в 3-х действиях.
М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 40 с.

Солдатов Олег Михайлович (Любимов) родился 6 мая 1970 года в Москве. Получил два высших образования, в том числе окончил Литературный институт. Поэт, прозаик, драматург, литературный критик. Руководитель литературного отдела интернет-журнала «Русский переплет». Многочисленные публикации в альманахах, газетах, журналах, таких как «Дружба народов», «Вектор творчества», «Словесность», «Знамя», «Крестьяник», «Сибирские огни», публикации в интернет-изданиях. Автор нескольких книг, среди них особенно хотелось бы отметить книгу «Басни», изданную в 2005 г. В качестве визитной карточки литератора Олега Солдатова предлагаем читающей аудитории пьесу о нашем времени. Это комедия характеров в традиции драматургии А. Н. Островского и А. П. Чехова, недаром в конце звучит выстрел...

Надеемся, что в скором времени пьесе «Закулисье» мы увидим на театральной сцене.

ISBN 5-86676-060-6

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © О. М. Солдатов, пьеса, 2009
- © Союз литераторов России, идея издания,
составление, предисловие, 2009
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аполлон Григорьевич Тюльпанов
художественный руководитель театра, 60 лет

**Мargarита Николаевна
Выверт-Выкрутасова**
его супруга, прима театра, 45 лет

Лидочка Началова
начинающая актриса, 23 года, очень хорошенькая

Петр Иванович Курчаевский
премьер театра, 45 лет

Ваня Тютиков
молодой актер, 27 лет, простоват

Александр Сергеевич Грызунов
завлит театра, спитой

Василь Васильевич Загребатов
состоятельный человек
неопределенного рода занятий, 50 лет

**Конкордия Филипповна
Забугор-Летаева**
театральный критик, за 40

Телевизионщики

Цыгане

Кордебалет

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Полдень. Закулисное помещение, всюду сложены декорации из различных спектаклей, справа дверь, слева лестница, чуть в глубине старый диван.)

Явление первое

*(Отворяется дверь, входят Грызунов и Тютиков.
Оба слегка навеселе.)*

Грызунов: И ты ее любишь?

Тютиков: Больше жизни!

Грызунов: Ну и дела...

Тютиков: Ты, вот знаешь, как увидел ее, так все внутри зажглось. Словом втрескался по самые уши. Только и мысли, что о ней! Со всем миром, кажется, сразился бы, да что там, — с самим чертом, — ради нее!

Грызунов: Слова-то какие говоришь... по-старинному.

Тютиков: Так это меня в Островского вводят... Поневоле заговариваться станешь...

(Располагаются среди декораций, выставляют закуску и коньяк.)

Грызунов: Ну а она?

Тютиков: Что?

Грызунов: Она-то, Лидочка-то твоя... Она что? Знает?

Тютиков: Нет... Я ей ничего... Да все слова пропадают, как вижу ее. С другими таким франтом, ухарем и развязано и хи-хи ха-ха, а тут как обрезало...

Грызунов: Ну, это болезнь. Поглупление — ее наиглавнейший симптом. В любви все дураки — это уж я знаю. Сам как ты, бывало, с ума сходил... чулочки, бантики... ножки, ручки, губки... А закончилось чем? Дай, да дай! Дай, да дай... Думаю: оно мне надо? На, — говорю, плюнул и ушел. С тех пор ни-ни... ну их к лешему!... без них веселей. Сам себе хозяин, хошь пей, хошь гуляй... А с ними жизни не рад будешь. Ловкие больно... Все нашего брата воспитывают, дрессируют под себя... Ведьмы...

Тютиков: Это тебе не повезло. Вот ты всех и ругаешь... Нет.. Она ангел. Таких не бывает. С нее пыль сдувать... Как она в театр попала, ума не приложу. Сожрут ведь...

Грызунов: На то ты — рыцарь! Женись, да охраняй. Сто-
рожи! Гав-гав!.. Только пустое занятие. Раз она здесь, стало
быть знала куда шла... да сразу на роль... Посуди сам: ты в
театре не первый год, а много ты ролей сыграл? А? Все по
эпизодам, да без слов, а она сразу в дамки...

Тютиков: Нет... она ангел. Ей и роль сразу дали поэтому.
Аполлон ее разглядел, понял, оценил, вот и чудо — роль...

Грызунов: Ну, дай бог. Может ты и прав. *(Наливает.)* Да-
вай...

Тютиков: Будем здоровы!

(Пьют, закусывают.)

Грызунов: Сколько радостей в жизни...

Явление второе

(Те же и Выверт-Выкрутасова.)

(Отворяется дверь. Входит Выкрутасова.)

Выкрутасова: Моего не видели?

Грызунов: О ком речь, королева? О ком изволите вопро-
шать?

Выкрутасова: Но-но, Сашка!.. Забываться стал...

Грызунов: Императрица!

Выкрутасова: Шут... Сейчас же прекрати трепаться и не-
медленно отвечай мне, выдел ли ты Аполлона!..

Грызунов: Никак нет, богиня! Не довелось... Не всякий
смертный... *(уворачивается от нее)* но, если речь вести
про вашего супруга, то и его, увы, я не встречал...

Выкрутасова: Болтун... *(Тютикову)* Юноша, подойдите-ка...
(Тютиков подбегает.) Вы ведь, кажется, недавно в театре?

Грызунов: Да уж года три...

Выкрутасова: Странно... Я вас раньше не замечала...

Грызунов: Не мудрено! Где уж вам с высот олимпийских
разглядеть... аки червь земной пресмыкаеша...

Выкрутасова: Это ведь вас вводят в спектакль на роль...

Грызунов: Его!

Выкрутасова: Сашка, пойдй глянь, у себя ли Аполлон Гри-
горьевич...

Грызунов: Повинуюсь! *(Уходит.)*

Выкрутасова: Такая трудная роль... такому мальчику?
Жаль ушел прежний... Вы ведь уже третий кого пробуют?

Тютиков: Второй...

Выкрутасова: Только второй? Бедняжка... у вас нет шансов... Аполлон вас выкинет... Непременно выкинет... Он обычно останавливается на пятом...

Тютиков: Что же делать?

Выкрутасова: Трудиться, мой дорогой... Сгорать и восставать из пепла! Умирать и возрождаться, таков наш удел... терпеть или менять профессию...

Тютиков: Я буду терпеть!

Выкрутасова: Больно будет...

Тютиков: Все равно.

Выкрутасова: Глупый... Зачем вы выбрали театр? В мире есть столько интересного...

Тютиков: Я люблю вас!.. *(Падает на колени.)*

Выкрутасова: Уже? Так быстро?

Тютиков: Я всегда любил вас!.. С самой первой встречи... *(вытягивает шею, целует ручку).*

Грызунов *(возвращается и прячется за диваном):* Вот так картина!

Тютиков: Все эти годы в театре только ради вас! Все унижения... чтобы любоваться вами... дышать одним воздухом, ходить там, где ступали вы, смотреть в зеркала, в которых отражалось ваше тело...

Выкрутасова: О!

Тютиков: Я грежу вами во сне... Среди ночи мне слышится ваш голос, а мысль о прикосновении повергает в такой трепет, что я становлюсь весь как в огне...

Выкрутасова: Это правда?

Тютиков: Сердце не лжет!

Грызунов: Обычно эту роль отводят языку!..

Тютиков: Я раньше не смел, ведь вы и я — царица и бездонная пропасть... сияющая вершина и последний из смертных...

Выкрутасова: Бедный... Как жаль, что он вас выкинет... У вас есть талант... В наше время так редко встретишь настоящую искренность...

Тютиков: Если вы... если я буду знать... смогу надеяться... Я теперь погиб, для меня все потеряно, но позвольте мне всегда любить вас...

Выкрутасова: Но...

Тютиков: О, я не стану докучать вам, я буду обожать вас тайно...

Выкрутасова: Зачем же тайно?

Тютиков: Вы мой идеал! Луч света в темном царстве... *(иступленно)* Что я говорю?! Вы не луч... вы солнце, звезда, вселенная, все на свете!... Позвольте мне любить вас, чтобы жить... и страдать!...

Выкрутасова: Однако же, будет жаль, если он вас выкинет... Ну так идемте... Я расскажу вам вашу роль. А-то вы все напутаете... И помните: у вас есть шанс. Шанс, который выпадает лишь однажды...

Грызунов *(в сторону):* Черта с два он вообще выпадает!...

Выкрутасова: В нашем деле невозможно без везения. А вам может повезти... Я посвящу вам несколько бесценных мгновений моей жизни... *(Уводит его вверх по лестнице.)*

Явление третье

(Грызунов и Тюльпанов.)

Грызунов: Попал черту в зубы!... Однако, ловок... Ходок! Все тихоней, а тут на тебе... Не зря говорят: в тихом омуте черти водятся... *(Отворяется дверь. Входит Тюльпанов.)* Наше почтение Аполлон Григоричу!

Тюльпанов: Ну и дорога... пока доберешься впору обратно ехать... Привет, Саша. Как поживаешь?

Грызунов: Живем пока...

Тюльпанов: Ну, это неправильно, ты это брось... Что значит, живем пока? Нет, так не пойдет. Надо жить! жить!.. Полной жизнью, творчески, активно... любить женщин!

Грызунов: Все зло от них...

Тюльпанов: Нет, ты не прав, тебе, быть может, не повезло с женщиной. Ну так их много, на любой вкус, больших и маленьких, темненьких и светленьких, умненьких и не очень... всяких! Вот меня, признаюсь, до стих пор волнуют все эти штучки... А ведь я уж немолод, седьмой десяток разменял... А без женщин как?.. Ни вдохновений, ни развлечений... Нет, друг мой, тут ты неправ... У меня сегодня чертовски хорошее настроение. Я взял новую актрису-лечку... Ты ее видел?

Грызунов: И видеть не желаю.

Тюльпанов: Напрасно, мой друг... У нее есть, что называется, темперамент. Из нее может выйти очень неплохая актриса. Все данные, все данные... фигурка, личико, глазки, умна в меру... К тому же провинциалка... Я, пожалуй, дам ей роль... Подключим, черт возьми, молодежь. А то она все время недовольна... Да и публике нужны новые лица... Посмотрим... Они все кричат, все требуют, а дашь... скажешь: делай!.. а в ответ тишина.

Грызунов: Это везде так...

Тюльпанов: Им всем кажется, что роль должна красить человека, а на деле-то как раз наоборот... Ничего ж не умеют... ничего! Чему их учат в этих училищах! Ума не приложу! Ходить не умеют, читать не умеют, говорить и то не умеют, кривляются как обезьяны... Что мне с ними делать? Учить их? Но это не мое дело! Пусть их учат другие. Мне нужны готовые! А эти... лезут и лезут... лезут и лезут... черт бы их побрал! Здесь ли Марго?

Грызунов: Маргарита Павловна прибыли-с.

Тюльпанов: Опять настроение испортилось... Я вроде о чем-то хорошем начал... Вот увидел твою мрачную рожу и сразу забыл...

Грызунов: Актрису новую взяли.

Тюльпанов: Ах да!... Вот ты все женщин ругаешь, а помня мое слово, как увидишь ее, сам почувствуешь... что-то особенное... хотя, может, и дрянь окажется... Да и окажется, конечно, но... как мужчина мужчине: когда она рядом, словно молния по жилам... словом, сам понимаешь...

Грызунов: Да у вас всегда одно и то же...

Тюльпанов: Ну не скажи, не скажи, тут случай особый, я тебе верно говорю... Так Марго у себя?

Грызунов: К себе пошли.

Тюльпанов: Одна?

Грызунов: Была одна, а сейчас нет.

Тюльпанов: Кто у ней? Петька? Уволю подлеца!

Грызунов: Тютиков.

Тюльпанов: А! Молодая поросль... плесень закусил... Ну он у меня не то что сцены, крыльца театрального не увидит!

Грызунов: Репетируют.

Тюльпанов: Репетируют? Чтой-та? А! Я и забыл... Да он не

потянет. Никаких шансов. У него ж ничего нет... Ни темперамента, ни выразительности, так, мелочь...

Грызунов: Марго нашла в нем талант...

Тюльпанов: Нет-нет, мало шансов. Почти никаких... Пустое... Впрочем, если Марго... тогда пускай... Даже если провалит роль... Ты вот что, Саша, я тебя попрошу: придет Лидочка, ты с ней помягче, и без этих твоих штучек...

Грызунов: Новенькая?

Тюльпанов: И проводи сразу ко мне... надо обсудить, касательно ее роли... и там я тебе новую пьеску кинул на стол, прочтешь на досуге... И чтоб я тебя пьяным в театре больше не видел, молодежь пугаешь, Марго жаловалась... Смотри мне, я первый раз предупрежу, во второй приложу так, что зубы не соберешь, а на третий вышвырну... Мне пьяницы не нужны. Мы серьезным делом заняты, тут тебе не мало-художественный театр... Понял?

Грызунов: Понял, понял...

Тюльпанов: Ну вот то-то же... *(Поднимается по лестнице. Уходит.)*

Грызунов: Пьесу он кинул... Лучше б зарплату подкинул... Что я — пьесы жрать должен? Нынче вода как водка стоит! Так уж лучше пить водку, чем воду...

Явление четвертое

(Лидочка и Грызунов.)

(Распахивается дверь. Вбегает Лидочка.)

Лидочка *(замечает Грызунова):* Ах!.. Скажите, Аполлон Григорьевич уже здесь?

Грызунов: У себя...

Лидочка: А что... про меня он не говорил?

Грызунов: А ты кто?

Лидочка: Разве не видно?

Грызунов: Много вас тут шляется...

Лидочка: Да как вы смеете!.. Я — актриса!

Грызунов: Да уж видно, что не герцогиня!..

Лидочка: А! Я вас знаю... Вы тот самый черствый тип, который ненавидит женщин... Мне Полик о вас рассказывал...

Грызунов: Полик... хм... Кому Полик, а кому дедушка...

Лидочка: Какой вы, однако же, скучный... Вас как зовут?

Грызунов: Александр Сергеевич...

Лидочка: Как Пушкина... Я так люблю Пушкина... «Мороз и солнце, день чудесный, Еще ты дремлешь, друг прелестный...» Как жаль... Сашенька... впрочем, это фамильярность... А как вас мама зовет?

Грызунов: Алексом... звала...

Лидочка (*приближается к нему*): Алекс... Вам приятно? Хотите, я буду звать вас, как мама и никто не узнает. Это будет нашей тайной... Вы мне все расскажете, а я вас пожалею... Я вас убаюкаю и вы уснете... милый мальчик... Хотите? (*Садится к нему на колени.*)

Грызунов: Да утро на дворе... Что ж спать-то?

Лидочка: Не бойтесь меня... Вот уж и побледнел... Вы женаты?

Грызунов: Послушайте... Это уже похоже на допрос! Вот что, голубушка, ничего у тебя не выйдет. (*Поднимаясь.*) И женщин я не боюсь!

Лидочка (*удерживая его*): Ах, так вы – храбрец! Да, теперь я вижу, это такая редкость в наше время – встретить храброго мужчину!

Грызунов: Женщин я не боюсь, я их на дух не выношу!

Лидочка: Вас кто-то обидел? Мужчины так ранимы, чувственны... тем более, творческие натуры... Кто она, эта жестокая?

Грызунов: Никто не обижал! И... Аполлон Григорьевич вас дожидается. Велел передать, чтобы тотчас к нему...

Лидочка: Вы меня гоните? Куда мне идти? Я здесь ничего не знаю... Я заблужусь, погибну, и вы будете виноваты...

Грызунов: Это очень просто: по коридору направо, вверх по лестнице, там еще коридор, вторая дверь, а там... да, пожалуй, вы действительно заблудитесь...

Лидочка: Ну так проводите меня. Не бойтесь, я вас не съем.

Грызунов: Надеюсь.

Лидочка: Я здесь никого не знаю, но я умею быть благодарной. Я не могу все сама, мне надо помогать. Но я всегда плачу за услуги... Я заплачу вам...

Грызунов: И сколько же вы мне заплатите, если я провожу вас?

Лидочка: Я говорю не об этом.

Грызунов: О чем же? Чего вы хотите?

Лидочка: Чего я хочу? Вообще-то я хочу играть в Малом театре!... А вы передадите вот это письмо Выкрутасовой...
(Протягивает письмо.)

Грызунов: Письмо?... Интересно... Неужели вы думаете, что, прочтя его, она отведет вас в Малый театр, где вам сразу предложат роль?

Лидочка: Это было бы чудесно, но я не столь наивна... И не говорите никому – откуда оно у вас...

Грызунов: Мне это будет стоить огромных усилий.

Лидочка: И чего же вы хотите за них?

Грызунов: Чего же мне от вас хотеть?

Лидочка: У меня ничего нет...

Грызунов: Ну вот видите.

Лидочка: Но я сама стою целого состояния...

Грызунов: Любопытно... И давно приторговываете?

Лидочка (поднимаясь): Я умею быть благодарной с теми, кто мне нравится... и сегодня это определенно не вы... Значит вверх по лестнице и направо? (Уходит.)

Грызунов (вслед): Там на двери табличка!.. Точно заблудится. (Бежит за ней.) Подождите!

Явление пятое

(По лестнице сбегает Тютиков.)

Тютиков: Фу... Вот это женщина! Закрутилась карусель! Ну теперь уж не снимут... Теперь уж она его уговорит. Теперь уж я на коне! Будут мои роли! А Курчаевскому пинка... Смена караула. Но надо строго... И пить надо бросать по теперешним обстоятельствам... Сорваться можно так, что не поднимешься... Затопчут! Тут уж все в ход идет: и связи, и красота, и коварство, и все это при наличии таланта... Выход на сцену – кровопролитие... Оставь реквизит за кулисой, хватисься, а его уж нету!.. Кто взял? Куда девался? Никто не скажет. Костюм порезать или что — обычное дело. Все со святыми лицами, а в душе — завистники... Так посмотрят, такую рожу вычернят, что хоть не на сцену, а в милицию беги... На все силы нужны... А где их взять? Неоткуда... А я теперь в силе. Теперь уж я жар-птицу за хвост держу!..

(Возвращается Грызунов.)

Грызунов: Хорошенькая... бестия!.. *(Вынимает из кармана письмо.)* Посмотрим, что тут... *(распечатывает и читает)*. Не может быть... Хе-хе... Аполлона удар хватит! Жаль, что он не пьет. Лучше б пил...

Тютиков: Кто это не пьет?

Грызунов: Аполлон...

Тютиков: Аполлон не пьет?! Как же! Пьет еще как... Придет домой и нарезается... Мне Марго сказала...

Грызунов: Надо же... А мне говорил: уволью...

Тютиков: Пугает...

Грызунов: То-то я гляжу, он мне Загребатова подкинул, с перепоя видать...

Тютиков: Какого Загребатова?

Грызунов: Да есть один такой из новомодных... Не то что читать, в руки брать не хочется... Все про ниже пояса, и в самое нутро человеческое влез через яшмовые ворота... Ума не приложу, как он в литературу просочился? Я бы ни за что не пропустил... Он бы у меня и близко не подобрался... Я б его, за шкурку, да об письменный стол физиогномией... А он мне его пьесу сует!

Явление шестое

(Те же и Курчаевский.)

(Отворяется дверь. Входит Курчаевский.)

Курчаевский: А! Вот вы где, голуби! Милуетесь?.. Чем потчует Мельпомена?

Грызунов: Давай, Петя, с нами, по маленькой...

Курчаевский: Не могу.... Сейчас читка. У меня главная роль... не могу, не уговаривайте...

Грызунов: Обижаешь...

Тютиков: Обижаете, Петр Иванович...

Курчаевский: Ну ладно... давай, пока Аполлон не видит... *(Наливают, пьют.)*

Грызунов: Что за шедевр? Кого ставим?

Курчаевский: Какого-то Загребатова...

Грызунов: Загребатова?!... Врешь!..

Курчаевский: Да что ты, брат? Мне врать нельзя, роли лишат. Вот, гляди сам *(показывает текст роли)*. Все точно. Загребатов «Воскресный драндуляж»!..

Грызунов: Какой?

Курчаевский: Воскресный...

Грызунов: Что ж это творится на свете? Уволюсь к чертовой бабушке! Почему меня не спросить?.. А, Петя? Я ведь тоже человек, тоже свое разумение имею... Я ведь завлит, а? Ведь, правда? Скажи, правда?

Курчаевский: Правда.

Грызунов: Ага! Вот ты говоришь: правда! А я тебе не верю! Не верю, и никто не поверит. (*Тютикову*) Вот ты веришь?

Тютиков: Верю.

Грызунов: Молчи, низкая душа! Ты еще знать не знаешь, что такое: правда. Мысли у тебя одни, как бы не сболтнуть чего лишнего, да получить ролишку какую... Уволюсь! Ну что мне за эту зарплату? Позор! Да меня в любом издательстве с руками оторвут.

Курчаевский: Ну что ты горячишься... Это разовое дело! А людям платить надо. И тебе платить надо, и мне, и ему тоже надо... Ведь надо?

Тютиков: Надо!

Курчаевский: Хоть и не за что... Я в его годы уже главные роли тянул, а он все в статистах... Помнишь, Саша, как я в его годы?

Грызунов: Да что говорить...

Курчаевский: То-то и оно... А из Загребатова деньги так и сыпятся. Как не взять? Поставим, отыграем разок-другой, а там и забудем в виду отсутствия сборов... Впервой, что ли?

Грызунов: Ты не понимаешь... Это же Загребатов!

Курчаевский: Ну и что с того, что Загребатов?.. На мозоль он тебе наступил, что ли?

Грызунов: Он не мне... на мозоль... Он на горло русской литературе!..

Курчаевский: Ну, это ты брось... У него ног не хватит! А выживать надо, брат. Сейчас каждый выживает, как может. Ты думаешь, Аполлону не хочется Островского ставить? Да под Островского денег не дадут, а под Загребатова дают. Ну а дают, значит, бери!

Грызунов: Я его застрелю! Вызову на дуэль и грохну как медный таз! Все заграбастал ручищами... ничего ж не оставил... И еще пьесы пишет...

Курчаевский: Да и пусть пишет. Он пишет, мы ставим. Кто-то ж должен писать...

Грызунов: Сейчас всякий пишет!.. Я вон тоже пишу, меня ж не ставят... Аполлон говорит: подожди, не время... Горько мне... горько...

Курчаевский: Да ты, брат, уже хорош... В таком виде Аполлону показываться нельзя... Вспылить может дедушка. Пойдем, друже, мы тебя уложим на отдых.

Грызунов: Горько... Я тут за гроши... а он деньгами сыпет. Да кто он такой?.. Пигмей! А деньгами сыпет...

Курчаевский: Пойдем, пойдем... Неприятность может выйти. Аполлон увидит... Зачем волновать дедушку? Пойдем, мы вон там тебя на диванчик... *(Тютикову)* Бери его. *(Тащат Грызунова к дивану.)* Лежи здесь, горький наш, отдыхай... *(Тютикову)* Ты пригляди за ним, а я к Аполлону... *(Уходит.)*

Явление седьмое *(Лидочка и Тютиков.)*

(Лидочка спускается по лестнице.)

Лидочка: Это вы?

Тютиков: Я.

Лидочка: Вы давно в театре?

Тютиков: Прилично...

Лидочка: И что же?.. Как вам?.. Много ролей?

Тютиков: Бывает...

Лидочка: Как я вам завидую... Вы уже, наверное, мэтр, играете с самой Выкрутасовой, каждый вечер слышите аплодисменты...

Тютиков: Ну... не каждый вечер...

Лидочка: Все равно... Вас обожают толпа, вы нежитесь в лучах славы... После спектакля утопаете в цветах... Восторженные поклонники несут вас в гримерную... Вокруг вас праздник, имя которому искусство! Как я бы этого хотела!

Тютиков: Да уж праздник...

Лидочка: Расскажите мне! Расскажите! Я хочу слушать!

Тютиков: Да что ж рассказывать... Если дают роль, надо делать. Не сможешь — отберут, платят гроши, а со спектакля навар...

Лидочка: Почему вы не радуетесь жизни? Она прекрас-

на! Надо гореть, надо сделать что-то настоящее, тогда будет и все остальное, и деньги, и слава, и любовь, и счастье...

Тютиков: По-первости все так говорят.

Лидочка: А вы?

Тютиков: Теперь нет... Вот вам кажется, театр это волшебный мир, чудесная сказка? Ничуть! Театр — это фабрика, где спектакли выпекают, как пирожки, где дружат ради предательства, где каждый, в конечном счете, сам за себя, потому что сцена обнажает всю твою суть, где над всем властвует жестокий приказчик и несколько его клеветников, которые тебя и за человека не посчитают... Да здесь убьют ради роли!

Лидочка: А вы убивали?

Тютиков: Да это так говорят... Театр — искусство обмана, но ничто не бывает таким правдивым, как театр. Здесь не притвориться талантливым, если у тебя нет таланта, не прикинуться, что умеешь что-то такое, чего на самом деле не умеешь. Все, даже то, о чем в себе и не подозреваешь, сцена обнажит и вывернет наружу... И выходит, что самыми первыми актерами будут отъявленные лгуны, потому что они любую ложь превращают в правду и солгать им во сто крат легче, чем другим.

Лидочка: А нас учили, что сцена не прощает лжи.

Тютиков: Вам не простят откровенной лжи, неумелой лжи, иными словами фальши... Но от вас потребуют лжи искусной. Ведь зритель за тем и приходит в театр, чтобы быть обманутым красиво... Существует даже легенда о Великом Актере, о человеке небывалой притягательной силы. От него невозможно отвести взгляд, он захватывает вас чем-то необъяснимым и подобно магу заставляет видеть то, что видит он своим внутренним взором.

Лидочка: Расскажите! Расскажите!

Тютиков: Когда-то его имя гремело на весь мир. В любой роли ему не было равных. Но зависть коллег и тщетные поиски достойных партнеров заставили его навсегда покинуть сцену. Спустя несколько дней, город запестрел цирковыми афишами. В назначенный час огромный шатер был полон. И вот, на манеже появился Актер, обвел публику сияющим взором, и представление началось! Чего только ни увидели те, кому посчастливилось купить билет! Тут были бенгальские тигры и африканские львы, дресси-

рованные слоны и танцующие медведи, под куполом парили воздушные акробаты, силачи жонглировали пудовыми гирями, клоуны хохотали, обезьянки считали на счетах, факиры предсказывали будущее... Это было незабываемое представление, равного которому не знал свет! В завершение маэстро возник на манеже, взмахнул руками и взмыл под купол цирка... Публика ахнула! А он громко хлопнул в ладоши и исчез, будто его и не было... На следующий день толпы горожан устремились к шатру, всем хотелось еще раз увидеть представление, поглазеть на диковинных зверей и артистов... но шатер был пуст, а вокруг не осталось и следов циркового табора... Поиски оказались напрасны. Какой-то бродяга видел актера на вокзале, когда тот садился в ночной экспресс... С тех пор его иногда встречают в разных городах; он появляется в каком-нибудь театре, и тогда там начинают твориться настоящие чудеса. Кто-нибудь из актеров вдруг преобразается, каждый его жест, каждое слово наполняются смыслом, голос начинает звучать чисто и уверенно, — и тогда говорят, что дух Великого Актера живет в нем... Но человеку невозможно выдержать его долго; он тает словно свеча, будто выгорает изнутри... пока не исчезает совсем.

Лидочка: Ведь это сказка...

Тютиков: Это легенда...

Лидочка: А что еще надо для сцены?

Тютиков: Честолюбие! Без него нет актера. Лишенный честолюбия, он обречен на вечное прозябание. Второстепенные роли — его удел. Жажда славы — вот, что дает силы бороться с целым миром, шагать по трупам, рвать зубами конкурентов, не замечая собственной крови...

Лидочка: Как ужасно!.. Я здесь никого не знаю, но я умею быть благодарной. Ведь я не могу все сама, мне надо помогать. Но я всегда плачу за услуги... Я заплачу вам...

Тютиков: Мне? За что?..

Лидочка: За услугу.

Тютиков: Для вас — все что угодно. Чего вы хотите?

Лидочка: Чего я хочу? Я хочу играть в Малом театре... Дайте мне Малый театр и я оставлю мир в покое... А вы? Чего хотите вы?

Тютиков: Не знаю...

Лидочка: Это несправедливо. Кто из нас мужчина? Почему хотеть должна одна я?

Тютиков: Я как-то не задумывался... Все люди хотят примерно одного...

Лидочка: Есть, спать и тухнуть у телевизора? Ну же... смелее...

Тютиков: Вы мне очень нравитесь...

Лидочка: И что?

Тютиков: Ничего я не хочу так сильно, как обнять и поцеловать вас...

Лидочка: Нет, нет... этого нельзя... *(протягивает ему руку)*.

Тютиков *(целует руку)*: Но почему?

Лидочка: Я так устала от мужчин... Мужчины, мужчины, мужчины... повсюду... Хочется одного, который затмил бы всех. А таких нет...

Тютиков *(продолжая целовать)*: Почему?

Лидочка *(отстраняясь)*: Потому что их нет. Где они? Ау! Слышите? — тишина... Ну довольно, хватит... Больше нельзя.

Тютиков: А что же можно?

Лидочка: Можно дарить мне всякие штучки... носочки, перчатки, чулочки...

Тютиков: Я подарю вам целый свет! Звезды! Вселенную! Все, что хотите!..

Лидочка: Понятно... Вы не мужчина, вы — поэт. У вас нет ничего, так же как у меня... Мы похожи... Выйти замуж за миллионера по любви — мечта любой провинциалки... Вы москвич?

Тютиков: Коренной.

Лидочка: Вам проще... Вы — столичные мальчики даже не понимаете, где живёте. Вы — счастливчики! Здесь всё: культура, театры, богема! Вам не понять, что такое жить в городишке, где полно наркоманов, где лестница пропахла анашой... где всего один дрянной театрик, а из музеев только краеведческий...

Тютиков: Вы так жили?

Лидочка: Пока могла жить, жила... Я была такая хорошенькая девочка в белых колготочках... ножки тоненькие... Кстати, вот хороший рецепт для похудения: никакие таблетки не помогут, есть только один способ: не жрать!.. Однаж-

ды меня затолкали в машину... со многими так случилось, убежать невозможно, никто не спасет... А когда я добрела домой, там было все по-прежнему, и сестра болтала с кем-то на кухне, и телевизор бормотал как обычно... а мой мир рухнул, все стало чужим... Тогда я уехала в Москву... О, я знаю это: когда нечего есть, когда от голода кружится голова, а желудок готов выпрыгнуть наружу... И я буду играть в Малом театре!

Явление восьмое

(Входят Аполлон, Выкрутасова и Курчаевский.)

Аполлон: Так, молодежь уже здесь. Можно приступать. У нас новая пьеса. Ставить надо срочно. Премьера через месяц, все билеты уже проданы, костюмы оплачены, гонорары, издержки, премии, словом, все в порядке. Осталось работать, работать и работать... Как мне нужен директор... Сволочи, найдите мне директора. Невозможно же работать. Что все я, да я... Директора мне, директора!.. Так, прошу в текст слов особенно не вникать, смысла не искать, мне дурацких вопросов не задавать. Это надо сделать, сделать во что бы то ни стало и, не вдаваясь в детали... Текст есть у всех?

Выкрутасова: Что это? «Воскресный драндуляж»... Ну и названьице...

Аполлон: Дорогая, прошу тебя, не надо сцен...

Выкрутасова: О чем пьеса?

Аполлон: Сейчас придет автор и все объяснит...

Выкрутасова: Да? Ну ладно...

(Входит Загребатов.)

Аполлон: Вот и он... Господа, прошу любить и жаловать... э-э... простите, запаматовал, как вас по имени отчеству?

Загребатов: Василь Васильевич.

Аполлон: Вот господа, прошу любить и жаловать, э-э... Василь Василича Загребатова... Вы сами изволите прочесть, или, быть может, доверите профессионалу?

Загребатов: Нет-нет, я сам... отчего же.

Аполлон: Прекрасно. Тогда начнем. Прошу!

Загребатов: Кхе-кхе... Воскресный драндуляж... Действующие лица: Просто Простата... нет, не могу, волнение, зна-

ете ли, в груди и вот тут... уж лучше вы, если можно.

Аполлон: Да-да, конечно... Итак, действующие лица: Просто Простата – это, Петя, смотри внимательно, твоя роль.

Курчаевский: Понятно.

Выкрутасова: А! Это что же Вага Ваг... тьфу, язык не поворачивается... в этих священных стенах... Так это что же... я?

Аполлон: Дорогая!.. Ну что ты так волнуешься? Подумаешь, и не такое бывало.

Выкрутасова: Да, может, и бывало, но то было раньше. А сейчас я не желаю участвовать в этих скабрёзностях... Я репертуарная актриса, у меня имя...

Аполлон: Уверяю тебя, уверяю тебя, там нет ничего такого, что могло бы затронуть твое актерское самолюбие. Умоляю, отнесись к этому как к игре, (*тише*) иначе мы все вылетим в трубу...

Выкрутасова: Посмотрим, что там дальше. Я уже чую... тут не обойдется без всяких постельных сцен... (*листает пьесу*).

Аполлон: Итак, действующие лица, Просто Простата, Вага Ваг...

Выкрутасова: Я бы попросила!

Аполлон: М-да... ну вот, значит, Молодо Зелено, это будет наш молодой мастер и, наконец, Голую Правду сыграет юное дарование, Лидочка Началова...

Лидочка: Я что же буду совсем голая на сцене?

Курчаевский: А где вы видели одетую правду? Правда может быть только голой, иначе ее не видно и всем кажется, что ее нет вовсе.

Выкрутасова: А-а! Нет, это уже слишком... я не стану этого делать на сцене, не стану, не стану, не стану! Это уму непостижимо. Это же неслыханно! Это черт знает что такое! Это... это... (*задыхается*).

Аполлон: Ну что... что за истерика. Что там еще такое? Ну?

Выкрутасова: Я не стану этого делать на сцене!

Аполлон: Чего?

Выкрутасова: На пятнадцатой странице... посмотри сам...

Аполлон: Ну что там еще... А! Это! Ну, дорогая, чего тут стесняться. Мы решим это художественными методами... Условно... И чего тут такого, я не понимаю, каждый человек делает это ежедневно по нескольку раз...

Загребатов: Вообще-то, если позволите, мне бы хоте-

лось... Я против всяких условностей... Это должно быть новое веянье в искусстве.

Аполлон: Разумеется, разумеется, не волнуйтесь. Все будет так, как вы скажете, но у сцены свои законы, о которых вы даже не подозреваете, позвольте нам судить об этом. Если, к примеру, вывести на сцену живую корову, которая начнет мычать и класть лепехи, уверяю вас, это будет очень далеко от искусства... Чтобы увидеть такое не надо ходить в театр, езжайте на ферму, там хватит экзотики...

Выкрутасова: А!

Аполлон: Ну что еще?!

Выкрутасова: Боже мой! Какой ужас! Она ест это... она это ест...

Аполлон: Дорогая, опять? Мы все едим по несколько раз в день...

Выкрутасова: Она ест это!...

Аполлон: Ах это... На двадцать пятой странице... Ну что же... Мы решим это условно, художественными методами. Неужели ты думаешь, мы заставим тебя это есть...

Выкрутасова: Как мы это решим? Это парная сцена!.. Нет, я отказываюсь! Ищите кого хотите!..

Аполлон: Дорогая, оплата идет по верхней ставке, плюс премиальные...

Выкрутасова: Отказываюсь!

Аполлон: Двойные премиальные!

Выкрутасова: Ни за что на свете!

Аполлон: Тройные!

Выкрутасова: Оплата по верхней ставке, тройные премиальные и бонус!

Аполлон: Какой еще бонус?

Выкрутасова: Месяц на Канарах, для восстановления расшатанного здоровья и нервов! Боже мой... да мне в люди показаться нельзя будет... мне все глаза высмеют...

Аполлон (Загребатову): Что мы решим насчет бонуса?

Загребатов: Месяц не обещаю, но неделю могу обеспечить...

Выкрутасова: Что?! Неделя?! И такова плата за потерянную репутацию? за поруганную честь? за честное имя?! Все-го неделя? Я полагаю тут не о чем говорить. Я отказываюсь!

Загребатов: Две могу, больше никак...

Выкрутасова: Здесь не торгуются! Если вы пришли в театр, то извольте платить и платить столько, сколько вам укажут! Вы не на базаре! Вы всего лишь оплачиваете возможность воплощения своих измышлений. Да знаете ли вы, сколько достойных миллионеров потратили все свои капиталы из одной только любви к театру, и никто не скупился, пока у них не оставалось ни гроша!.. Сейчас же прекратите торг, а не то я потребую не один, а два месяца!

Загребатов: Хорошо. Я согласен... Месяц...

Курчаевский: Я надеюсь, это касается всей труппы?

Аполлон: Господа, имейте совесть.

Загребатов: Что ж это такое получается? Аполлон Григорьевич, я оплатил все ваши долги, аренду, костюмы... я не спрашивал, что это за костюмы, в моем спектакле они не нужны...

Аполлон: Ну, это уж позвольте судить художнику. Тут свое виденье, неожиданный художественный ход, оригинальное решение... словом, позвольте, я вам объясню...

Загребатов: Не надо мне ничего объяснять! Мы же договорились... Я не собираюсь тратить все до последней копейки, как настаивает наша замечательная примадонна, но я хотел бы получить в конечном итоге то, на что рассчитывал... в противном случае мне придется потребовать назад мои...

Аполлон: Любезный мой друг, это невозможно... Конечно, вы можете потребовать, но все уже вложено, оплачена годовая аренда, налоги, юридические вопросы... этих денег уже нет... далее костюмы, декорации, гонорары артистам... Напротив, я хотел сказать вам сегодня же, что мы ждем очередного вливания... Искусство — костер, в который надо все время питать, иначе он угаснет. А взамен мы все можем греться у его огня.

Загребатов: Хорошо... Я, в общем, не возражаю... Меня, прежде всего, интересует результат и, кроме того, я бы хотел как-то понять, во что мне все это обойдется в конечном итоге...

Аполлон: Точная сумма указана в договоре, а незапланированные расходы, само собой, могут быть незапланированных масштабов. Мы поговорим об этом после, а теперь, если не возражаете, перейдем непосредственно к читке... Итак, интермедия: четыре фигуры, попробуем сразу по ролям. Петя, начинай...

Курчаевский: Здесь не совсем понятно...

Аполлон: Понимать не нужно, просто читай текст слов... после разберемся.

Курчавский: Стойко стоймя переставим стаканы! Стильно тостуем, топчем канканы!

Лидочка: Бурло настырло! Кырло на мырло! Все передырло и недосырло!

Выкрутасова: Фуги вуали, фаны ванили, фифы форели, воры возницы...

Тютиков: Краги коряги дрыги зардели...

Выкрутасова: Это черт знает что такое! Это что, хор сумасшедших? Кто-нибудь здесь еще остался в своем уме или решительно все спятили! Кто мне объяснит, чем мы тут занимаемся? Это что, заседание президиума съезда умалишенных?

Аполлон: Успокойся... Вот же автор, он все объяснит. Прошу Василь Василич, удовлетворите любопытство творческих масс.

Загребатов: О! Это, это вполне известный, но, к сожалению, мало популярный в отечественной традиции прием, так называемое фонетическое решение, создание образа путем звуковых ассоциаций... Вспомните, например, Ионеско. Каждый персонаж употребляет звуки, которые соответствуют его образу, смысл имеет второстепенное значение, главное настроение...

Выкрутасова: Понятно! Не надо продолжать! Настроение создано, и это настроение не позволяет мне больше оставаться здесь ни минуты! Ищите себе другую Вагу, а проще выкиньте вашу писульку в корзину и застрелитесь. Ваша смерть послужит искусству.

Аполлон: Марго, сядь! Сядь и успокойся...

Курчаевский: Это, во всяком случае, свежо... Тут есть определенная ритмичность... Кырло на мырло, все передырло...

Аполлон: Да, учитывая проплату годовой аренды и прочее, это определенно новое слово в искусстве... И нам предстоит сказать его так, чтобы все ахнули!..

Выкрутасова: Да уж все ахнут. Можешь не сомневаться... У меня есть еще одно условие! Никаких журналистов, прессы, фоторепортеров на показе... и никаких афиш!.. А лучше

всего, чтобы ни одна живая душа никогда не узнала о том, чем мы тут занимаемся.

Загребатов: Это невозможно! Пресса уже оплачена... и репортеры, само собой разумеется, и афиши готовы...

Выкрутасова: Чудовищно!..

Аполлон: Спокойно! Любому театру скандалы идут только на пользу, кроме скандала в собственных стенах!..

Курчаевский: Марго, не волнуйся, Голая Правда нас прикроет... и, надеюсь, затмит... Во всяком случае, на это вполне можно рассчитывать...

Лидочка: Благодарю вас, вы очень любезны...

Выкрутасова: Поглядим... Собственно, почему бы мне не взять эту роль?

Загребатов: При всем моем уважении... учитывая ваш возраст, может получиться нежелательный подтекст...

Выкрутасова: Что вы понимаете? Это тело богини! Да меня рисовал сам Муфлонов! А недавно я получила предложение еще от одного известного художника...

Аполлон: Марго, эта роль практически без слов...

Выкрутасова: Да? Тем лучше! Разве это слова? Это какая-то тарабарщина... Хмели сунели, козы мимозы...

Аполлон: Но там совсем другие деньги... Ты же знаешь, нынче нет отбою от желающих продефилировать по сцене неглиже. Если так пойдет дальше, клянусь, мы установим за эту плату. С актеров будем брать по льготным расценкам, с уличных по полной программе – как за аренду подмостков и рекламу. Можно устроить шоу! Кстати, некоторые театры уже так и поступают; в зале всегда полно богатой публики; после представления актеров развозят по адресам, а утром они возвращаются в собственных джипах... Вы этого хотите? Клянусь, я это сделаю! Наберу девиц и устрою тут публичный дом! И это, черт возьми, рынок! Рынок, господа! Долгожданный, тот самый, свободный рынок! Хотя я лично не представляю, о каком свободном рынке можно говорить применительно к нашему делу?.. Когда художника вынуждают создавать только то, что он в состоянии продать! Репертуар теперь диктует зритель, а где эту роль отводят зрителю, там в заказчиках оказывается любой у кого есть деньги...

Загребатов: Совершенно верно! Вы замечательно формулируете.

Аполлон: Еще бы! Это моя прямая обязанность!..

Выкрутасова: Я так и знала! Вот и постельная сцена! Пожалуйста: разорвал, бросил, и так далее...

Аполлон: Дорогая, это будет сделано условно. На что же еще нужны pistols? Дадим выстрел как символ соития...

Выкрутасова: (*Загребатову*) Обещайте мне, что никакой кино и видео съемки не будет.

Загребатов: Но все уже оплачено!

Выкрутасова: Ах так? Тогда прощайте!.. Я не желаю участвовать в этом балагане. Надеюсь, эта голая правда послужит вам достойным утешением (*Уходит.*)

Аполлон: Марго!

Загребатов: Маргарита Николаевна!

Курчаевский: Марго!

(*Загребатов, Аполлон и Курчаевский бегут за Выкрутасовой.*)

Явление девятое

(*Тютиков и Лидочка.*)

Лидочка: Она всегда такая? И вы ее терпите?

Тютиков: Дело семейное...

Лидочка: Да как она смеет? Не нравится — пошла к черту!

Тютиков: Они договорятся...

Лидочка: Я бы не потерпела! Как это так? Что это за разговоры — я отказываюсь! Подумаешь, тоже мне Вага суринамская! Да таких, как она — пруд пруди! И все, главное, бросились ее уговаривать!.. Она наверняка ему изменяет.

Тютиков: Не без этого.

Лидочка: С кем? Курчаевский?

Тютиков: Это все знают, тут нет секрета... И Аполлон знает.

Лидочка: А ведь он ее боится... И ты боишься?

Тютиков: Как можно не бояться молнии или наводнения?.. Конечно, боюсь...

Лидочка: Нравится быть трусом?

Тютиков: Да кем же тут другим и быть... Все от нее зависит... Как она скажет, так и будет...

Лидочка: Мужчин совсем не осталось... Ты тоже мечтаешь стать ее любовником?.. Ведь это шанс, хороший шанс для тебя получить роль, занять положение, а там, глядишь, Аполлон

стар, и ты уже режиссер... Да она тебя съест и не подавится... и не мечтай... такие, вроде тебя, для нее как семечки!

Тютиков: Ты думаешь?

Лидочка: Разве не так? Уж во всяком случае, после Аполлона, его место займет Курчаевский...

Тютиков: Пожалуй.

Лидочка: Пойми, никто ничего не станет для тебя делать просто так. За все надо платить... Ты не свободен, ты всего боишься... А я свободна! Я заплатила за это... Неужели ты хочешь всю свою жизнь оставаться в статистах? Кто-то другой будет блистать, а ты... А ведь возле меня может быть только сильный мужчина, потому что я – сильная женщина... Когда ее не будет, я займу ее место. А ты займешь место Курчаевского... А потом и Аполлона...

Тютиков: Как не будет? Кого?

Лидочка: Я заплачу... (*целует его*). Ты дрожишь? Тебе холодно?... Надо только подменить пистолет... Очень просто...

Тютиков: Просто... Ничего себе...

Лидочка: Что? Страшно? Слабые мужчины... Почему меня окружают слабые мужчины! Где взять сильных?!

Тютиков: А где же взять пистолет?

Лидочка: У Аполлона есть... У него в кабинете, в столе... Вот ключ... (*показывает ключ*).

Тютиков: У тебя и ключ...

Лидочка: У меня много чего... Масса идей! Но мне надо помогать... Ты поможешь?... Ты не свободен... А разве они не убивают тебя, не давая ролей? Разве они не пользуются тобой, твоим талантом и молодостью? Разве ты не достоин большего?... Он ведь может и промахнуться... верно? Пусть судьба решит... Пусть она тоже заплатит... Я ведь всегда плачу... Ты мне не веришь? Идем же...

Тютиков: Куда?

Лидочка: Я докажу тебе...

(Лидочка и Тютиков уходят. С дивана поднимается Грызунов.)

Грызунов: У-у... это я, определенно, хватанул лишнего... Вот так карусель... Говорил я, от них добра не жди! Не хватало нам ужасов... Ну, думай, соображай теперь, как делу помочь... Ох, беда...

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Поздний вечер. Премьера спектакля, суета, столпотворение, декорации те же.)

Явление первое

(Входят Грызунов, Аполлон, Курчаевский.)

Грызунов: Вы видели, что творится в зрительном зале? Они вынесли все кресла и расставили столы...Сервировка по высшему разряду! Голубой огонек, да и только...

Курчаевский: Будем играть под непрерывным пробочным огнем!...

Грызунов: У входа не протолкнуться, повсюду роллс-ройсы, мерсы и хамеры, вокруг чья-то охрана, меня дважды обыскивали...

Аполлон: Надо потерпеть... Уж я и сам не рад... Если все пройдет гладко, богу свечку поставлю.

Грызунов: В зале настоящий зверинец, какие-то толстухи в вечерних платьях... А украшения! Они идут им не лучше, чем слонам бижутерия!..

Курчаевский: Величина бриллиантов подстать числу подбородков... За кулисами я столкнулся с одной дамой, — над ней, судя по всему, трудилась целая ювелирная фабрика, — натурально, я поинтересовался, что она здесь забыла и чего желает... И знаете, что она мне ответила: Я уже все имею...

Аполлон: Да я уж и сам вижу, что продешевил... Не сразу и поймешь, кто чего стоит... Если б я сразу знал, что здесь такое, мы до конца дней на Канарах жили...

Грызунов: Весь попсовый бомаонд здесь! Пришли кырло на мырло слушать...

Аполлон: Видел... И эта... с зубом, тоже... Ходит, сверкает... Не знаю даже, как себя с ними вести. Подходить к ним? А с какой стати?.. Я их знать не хочу! Как саранча налетела...

Грызунов: И Загребатов здесь.

Аполлон: Да и черт с ним... пишется в авторах, а на репетициях не был...

(Входят телевизионщики.)

Телевизионщики: Папаша, где тут запитаться можно?

Аполлон: В чем дело? Вы кто такие? Что вам здесь нужно.

Телевизионщики: Мы переносчики культуры, папаша... нам бы запитаться, камеру в кулисы ставим.

Аполлон: Черт знает что такое! Я и сам не знаю, где тут можно...

(Уходят вверх по лестнице.)

Явление второе *(Лидочка и Загребатов.)*

(Отворяется дверь. Входят Лидочка и Загребатов. Лидочка в роскошной меховой шубке, бриллиантовые серьги. Скидывает шубку, на ней вечернее платье с глубоким декольте и разрезами, бриллиантовое кольцо, — вся сияет.)

Загребатов *(идет следом за ней):* Лидия Марковна, все что угодно! Чего вы хотите?... Я не встречал женщин, подобных вам! Хотите быть Загребатовой?

Лидочка: Какой? Чем? Кем? Ха-ха! Вы что же предлагаете мне руку и сердце? Однако!

Загребатов: И руку и сердце и все свое состояние...

Лидочка: Я вас разорю! Берегитесь...

Загребатов: Боюсь, что это невозможно... Я сам пытаюсь сделать это уже без малого лет пятнадцать...

Лидочка: Вдвоем нам будет легче. Не так ли?

Загребатов: Признаюсь, тут и десятерых бы не достало...

Лидочка: Вы так богаты?

Загребатов: Вы даже не можете представить насколько?

Лидочка: Отчего же... Я могу...

Загребатов: Вряд ли...

Лидочка: Так купите мне театр, или лучше постройте новый!

Загребатов: Считайте, что это уже исполнено...

Лидочка: Вы волшебник? Всемогущий джин... Джинны ведь могут и разрушать, верно?

Загребатов: Деньги могут все!

Лидочка: Так уж?

Загребатов: Поверьте.

Лидочка: Деньги всего лишь позволяют вам купить многое из того, что продается... Но меня вы купить не можете...

Загребатов: Помилуйте, Лидочка, и в мыслях...

Лидочка: У вас есть деньги, но нет идей... У меня есть идеи, но нет денег. Мы будем дополнять друг друга. Не так ли?

Загребатов: Все, что хотите!

Лидочка: Первое, чего я от вас потребую: обещайте никогда больше не сочинять пьес.

Загребатов: Принято.

Лидочка: Откройте мне театр! Здесь слишком тесно...

Загребатов: Принято!

Лидочка: Полная свобода действий. Подбор труппы, режиссера и репертуара – за мной, деньги — за вами!

Загребатов: Я сейчас же дам необходимые распоряжения... Сегодня же у вас будет театр.

Лидочка: Имейте ввиду... Я не очень-то верю словам... Во что вам обошлась сегодняшняя вакханалия?

Загребатов: Вам лучше этого не знать... Все эти звезды, журналисты, телевизионщики – сущие грабители... на постановку ушло много меньше...

Лидочка: Не понимаю... Зачем? Ваша пьеса чудовищна!

Загребатов: Моя? Нет... Что вы... Я купил ее практически за гроши у какого-то полоумного писателя...

Лидочка: Вы все покупаете? Вам захотелось купить славу?

Загребатов: Славу? Нет... Если бы мне хотелось славы я бы купил губернаторство или министерский портфель, вы бы видели меня каждый день на экране... Но нет... Дело в том, что меня притягивает театр... Такое воспитание... Я даже когда-то, в молодости мечтал о сцене...

Лидочка: Зачем же вы ставите это убожество?

Загребатов: Убожество? Кто вам сказал? Завтра вы прочтете во всех газетах, что это новое слово в искусстве, прорыв, шедевр! Я уже утвердил текст...

Лидочка: Зачем?

Загребатов: Это одна из моих идей...

Лидочка: Не понимаю...

Загребатов: Вы ловили когда-нибудь мух на клейкую бумагу?.. Увлекательное занятие... Сюда приглашены все модные продюсеры, телезвезды и шоумены. Я устроил для них царское угощение. Сотня ящиков шампанского по тысяче долларов за бутылку, две дюжины L'Art de Martell, ямайский ром, ирландский виски, лучшие сорта вин... Если попробовать все, то никому не будет дела до того, что тво-

рится на сцене. Не уступают и сыры, колбасы, омары – превосходного качества... Осетрина, разумеется, только первой свежести, стерлядь и семга такие, что тают во рту... и этого мало, я заплатил каждому за визит...

Лидочка: Вы сумасшедший? Я подозревала это...

Загребатов: Я запустил их как лягушек в пруд; бывает приятно, теплым вечером послушать, как они квакают, то там, то здесь, перекликаясь в сумерках, — это особая романтическая музыка природы... *(Звонит телефон.)* Ну?... Я же сказал: цыган налево, кордебалет направо.. Как, что делать! Петь... да, прямо в фойе, а кордебалет пусть танцует и разносит шампанское... Как это не будут! За эти деньги они мне и полы помоют... *(Лидочке)* Ничего без меня не могут. Такой хлопотный день... Все приходится самому. Все на мне... Пойду только начищу кое-кому кое-что и тотчас же вернусь. *(Уходит.)*

Лидочка (одна): Ну, если хотя бы половина из того, что он тут наговорил – правда... Да меня теперь в Малый звать станут — не пойду... Сама хозяйкой буду... *(Смотрит на себя в зеркало.)* Ловка ты, девочка... Ну и что ж с того? Я ведь всегда плачу... Красота ведь не вечна. Так пользуйся, пока она есть...

Явление третье

(Выкрутасова и Лидочка.)

(Входит Выкрутасова.)

Выкрутасова: Где он тебя нашел?

Лидочка: Не на панели, не волнуйтесь...

Выкрутасова: Да? Странно... Неужели такие как ты могут зарабатывать где-нибудь еще?

Лидочка: А в этом театре?

Выкрутасова: Ну... это временно, уверяю тебя, милочка, ты здесь не удержишься...

Лидочка: Я так не думаю.

Выкрутасова: Не думаешь? А стоило бы... Что он тебе обещал?

Лидочка: Это вас не касается.

Выкрутасова: Вот тут ты ошибаешься... Касается и еще как! Ты, дитя, много не знаешь. Здесь без моего ведома не

бывает ничего... Тебе бы стоило искать моего покровительства, а не растрачивать понапрасну свои прелести... Мы с ним достаточно взрослые люди, чтобы не портить друг другу жизнь по пустякам...

Лидочка: Я рожу ему ребенка.

Выкрутасова: В борьбе за место под солнцем все приемы хороши, не так ли? Неужели ты думаешь, что он бросит меня?.. А лучше — выгонит. И ты возьмешь мои роли? Ха-ха!.. Этот театр открыт благодаря моему отцу. Мы владем им на равных, он не захочет терять половину дела... В его возрасте это и обременительно... Я закрываю глаза на его шалости, он предоставил мне полную свободу, никто в здравом уме не станет разрушать подобную гармонию... Глупышка, ты нужна ему для утешения, а не для жизни. Он слишком стар для тебя, деточка...

Лидочка: Он сделает для меня все...

Выкрутасова: Это ты выдумала... Не такой уж он подлец, чтобы обещать тебе слишком много. Послушай, я хочу тебе добра... я и сама была когда-то молода и глупа, как ты, но мне повезло больше, чем тебе, я родилась в хорошей семье, я всем обязана отцу... У тебя этого нет, тебе придется всего добиваться самой, никто не расстелет перед тобой дорожку из алого бархата... Ты свернешь себе шею.

Лидочка: Посмотрим...

Выкрутасова: Тут и смотреть нечего...

(Входит Курчаевский.)

Курчаевский: Вот вы где! Марго, тебя повсюду ищут!.. Твой выход... Дали музыку, какие-то девицы на сцене... пляшут...

Выкрутасова: Иду... *(Уходит.)*

Явление четвертое

(Курчаевский и Лидочка.)

Курчаевский *(обнимая Лидочку):* Какое колено!..

Лидочка *(возмущенно):* Что?!

Курчаевский: Его надо целовать! *(Целует.)*

Лидочка: С какой стати?

Курчаевский: Непременно надо! *(Целует еще раз.)*

Лидочка: Я, кажется, не давала вам повода для вольностей!..

Курчаевский: Разве тут нужен повод? Волшебное колесо! *(Целует.)*

Лидочка: Далось вам мое колено!

Курчаевский: Пока нет, но я надеюсь... Какие ручки! *(Целует.)*

Лидочка: Ручки как ручки... впрочем, ручки действительно недурны...

Курчаевский: Какая талия! Какие плечи! *(Целует.)*

Лидочка: Пожалуй, и плечи...

Курчаевский: Голосок ангельский... глазки – звездочки, а губки... *(продолжает целовать).*

Лидочка: Осторожнее... Сюда могут войти.

Курчаевский: Пусть...

Лидочка: Марго...

Курчаевский: Она на сцене...

Лидочка: Аполлон...

Курчаевский: А что Аполлон? Разве он может нам помешать?.. Ах, вот оно что! Неужели? Вы и Аполлон... Ну конечно! Тем лучше... Значит, вам уже не надо ничего объяснять... Он ведь говорил вам о прописке?

Лидочка: О прописке?

Курчаевский: Неужели не говорил? Ну так я расскажу... У нас в театре есть традиция... Новички никому не отказывают...

Лидочка: Фу... Это гадко!..

Курчаевский: Напротив! Это сближает!

(Вбегает Тютиков.)

Тютиков: Петр Иванович, ну где же вы! Там такое творится!.. Если бы не цыгане, не знаю, чтоб было...

Курчаевский: Цыгане?.. Какие цыгане?.. Откуда?

Тютиков: Бог их знает откуда они... Вдруг на сцену хлынули целым табором! Слышите? *(Слышен цыганский хор.)* С Аполлоном плохо... Коньяком отпаивают...

Курчаевский: Да это никак Загребатова рук дело... *(Уходит.)*

Явление пятое

(Лидочка и Тютиков.)

Лидочка: Ну?

Тютиков: Все...

Лидочка: Никто не заметил?
Тютиков: Кажется, нет...
Лидочка: Подойди же... Смелее... Ты можешь требовать награду...
Тютиков: Мне ничего не нужно...
Лидочка: Как? Даже это...
Тютиков : Об этом можно только мечтать...
Лидочка: Зачем же только мечтать?.. Подойди ближе... Так ты мечтатель?.. О чем же ты мечтаешь еще?
Тютиков: Немного о славе...
Лидочка: Это иллюзии...
Тютиков: Ну и что... Зато ими можно жить...
Лидочка: Ты хороший человек... Я не ошиблась.
(Входит Аполлон.)
Аполлон: Мальчик мой, некогда любезничать... Текст повтори? Краги коряги, дрыги зардели... Как там у тебя дальше?
Тютиков: Штоки флагштоки, франты куранты...
Аполлон: Дальше.
Тютиков: Дули заснули, крали сопели... Мы Карадаги, мы дуэлянты...
Аполлон: Вот-вот... Молодец... Биографию сочинил?
Тютиков: Чью?
Аполлон: Как чью? Этих... дуэлянтов... Карадагов...
Тютиков: А надо?
Аполлон: А как же! Это же образ! Хотел бы я знать, как ты собираешься произносить текст, не понимая от чьего лица ты его произносишь?
Тютиков: Так я ж его уже произнес в интермедии.
Аполлон: А в финале должен произнести по-другому, с другим внутренним содержанием. Понятно?
Тютиков: Понятно.
Аполлон: Ну вот!
Тютиков: Какая же у них биография?
Аполлон: Это ты мне должен рассказать... Что ж я буду за тебя твою работу делать? Давай, иди, сочиняй, пока время есть... Завалишь сцену, убью... *(Тютиков уходит.)* Как я устал бегать за всеми... Куда она запропала в первом акте? Пришлось дать музыку, выпустить девиц... Успех бешеный!... Этот Загребатов не такой простак... И кстати прекрасная мысль! Надо открыть варьете! Академический те-

атр сейчас не в моде. Варьете нас спасет! Я так издергался за эти дни... Черт знает что такое!.. Голова кругом... Надо бы утешить дедушку...

Лидочка: Вам можно? После приступа?

Аполлон: Разве это приступ? Так, легкое головокружение... Конечно можно, дитя мое, можно, но плавно...

(Слышится выстрел.)

Лидочка: Ах!.. *(падает в объятия Аполлона).*

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Полночь после спектакля, декорации те же.)

Явление первое

(Аполлон, Лидочка, Выкрутасова, Курчаевский, Тютиков, Грызунов, Забугор-Летаева спускаются по лестнице.)

Аполлон: Успех!.. Полный успех! Какая феерия! Какой размах! Цыгане! Кордебалет! А это конная группа в финале прямо-таки сразила всех наповал! Это же надо! Какое оригинальное решение *(слышится лошадиное ржание и топот табуна)*. Грандиозно! Грандиозно! И ведь ничего, ничего не сказал, все вынул словно факир из кармана! Черт знает что устроил... И даже наши «*краги коряги...*» смотрелись фантастически... Удивительно... удивительно!

Курчаевский: Шампанского!

Аполлон: Дорогая, ты была великолепна!

Выкрутасова: Еще бы! Должен же хоть кто-нибудь играть...

Аполлон: И молодежь не подвела!

Грызунов: Виват!

Тютиков: Bravo!

(Открывают шампанское, наполняют бокалы, пьют.)

Забугор-Летаева: Все это очень правильно, то, что вы сделали! Я бы даже сказала, это в своем роде гениально! Искусство, в конечном счете, должно служить людям, а не наоборот. Зачем современному русскому человеку все эти

возвышенные умствования и нравственные чаянья интеллигенции девятнадцатого века? Люди изменились, они хотят другого искусства... (Тютикову) Плесните-ка мне, юноша, шампанского... Вообще, что нужно русскому человеку? Я долго размышляла над этим, прогуливаясь по Пятой авеню в Нью-Йорке, кстати, эту блузку от Армани, я купила именно там... Так вот, что же надо русскому человеку? — спросила я себя. Чтобы картина мира была проста, загадочна и непонятна. Размышления не должны отрывать его от созидательного труда. Нужны ли ему науки? Я отвечаю: не нужны! Народу, способному одним только топором выстроить дом или, встав от сохи, как Кулибин взять да и смастерить паровоз, науки вредны. Не надо учить народ, он сам кого хочешь научит, и всему, чему надо, научится. Понадобится ему, скажем, ядерная физика, он в любой деревне смастерит синхрофазотрон... А что это там... коньяк? Налейте... Я как-то раз бродила по Лувру, вы все, конечно, помните этот зал, где висит Джоконда... Так вот я подумала, а нужна ли нашему человеку эта Джоконда, когда вокруг него столько прекрасных русских женщин?.. Юноша, еще шампанского... Кстати, эти сапожки я купила в Париже на Елисейских полях, у кабаре «Лидо»... Так что же мы видим? Русский человек к учебе не пригоден, он необучаем, учение ему вредно, но он гениален от природы, всезнающ от Бога, и нам всем еще предстоит у него поучиться... В этом великая тайна, которую я разгадала на Трафальгарской площади в Лондоне, возле Национальной галереи, вы конечно знаете, там есть такой очаровательный магазинчик, я купила там этот костюм... Юноша, не отвлекайтесь... За русский народ, господа!

Курчаевский: Виват!

Тютиков: Ура!

(Все пьют.)

Грызунов: Пора раскрыть и нашу тайну...

Аполлон: Что за тайна?

Выкрутасова: Тайну?

Курчаевский: Сплошные тайны!

Тютиков *(в сторону):* Погиб...

Грызунов: А вот какую... *(достает письмо).* С вашего позволения *(читает):* «Милый Полик! Ты, конечно, узнаешь нашу дочь Лидочку. Она так похожа на меня, что у тебя не

возникнет сомнений... Помоги ей, чем можешь. Я знаю ты стал великим режиссером и не оставишь бедную девочку. Если ты вспомнишь тот летний вечер и нашу любовь, отцовские чувства должны всколыхнуть твоё сердце. С надеждой, твоя Люси».

Выкрутасова: Ха-ха-ха!.. Взять в любовницы собственную дочь! Поздравляю... Какие семена, такие и всходы...

Аполлон: Ничего не понимаю... Как дочь? Не может быть! Ерунда какая-то! Лидочка, что это такое?

Курчаевский: Откуда это письмо?

Грызунов: Адрес не указан...

Аполлон: Это какая-то дурацкая шутка! Сашка, доиграешься... ты меня выведешь из себя!

Курчаевский: Как оно к тебе попало?

Грызунов: Лежало вот тут... Здесь и фото приложено...

Выкрутасова: Ну-ка, ну-ка... Ха-ха! Точно он! Узнаю костюм — свадебный подарок отца... Мерзавец!

Аполлон: Марго, уверяю тебя!.. Это какая-то ошибка!.. Какой дурацкий розыгрыш! Сами написали, приклеили старую фотографию, а ты и поверила...

Выкрутасова: Напала совесть и на свинью, как отведала полена... Бедное дитя...

Аполлон: Марго, посмотри на нее. Дрянная девчонка лжет!

(Входит Загребатов. С ним кордебалет и цыгане. Цыгане поют: «К нам приехал, к нам приехал...»)

Загребатов: Господа, прошу внимания!.. Вы все приглашены на бал-маскарад в честь моего бракосочетания и открытия нового театра-варьете... Чтобы не делать тайны представляю приму нового театра, Лидию Марковну Загребатову!

Курчаевский: Лидочка!

Лидочка: Нет-нет, никаких Загребатовых... я оставляю прежнюю фамилию...

Аполлон: Лидочка, ты покидаешь нас?

Выкрутасова (Аполлону): Придется искать другое утешение... Не правда ли, милый?

Тютиков: Как же так!..

Лидочка: *(Тютикову)* Да, дорогой... Я всегда знала, если хочешь что-нибудь сделать хорошо, сделай это сама... *(Выкрутасовой)* Две тигрицы в одной клетке не живут. Не так

ли? *(Курчаевскому)* Как же нам теперь быть с пропиской? Хотите, я возьму вас к себе? Специально для вас я приглашу пару громил нетрадиционной ориентации, и вы не сможете им отказать...

Выкрутасова *(Курчаевскому)*: И ты туда же?

Аполлон: Где же состоится церемония?

Загребатов: Здесь. Прекрасное место!..

Выкрутасова: Что?!

Аполлон: Позвольте, как это здесь? С какой стати? Вы должны обсудить это с нами, прежде чем...

Загребатов: Дорогой Аполлон... э-э... Григорьевич, видите ли, а зачем? Вы же сами хотели, чтобы я уладил все ваши финансовые и юридические, так сказать... э-э... затруднения... Я это сделал по-своему и в своих интересах. И, как я теперь понимаю, и в ваших тоже... Папа, я женюсь на вашей дочери!..

Выкрутасова: Ха-ха! Доигрался, образина! Бурли на мурли! Думал, умнее всех, а он у тебя театр оттяпал! Мошенник!

Аполлон: Постойте! Этого не может быть. Ведь это невозможно... Я ничего не подписывал... Тут подлог!

Загребатов: Папаша, к чему эти нервы?.. Никакого подлога, все законно!

Выкрутасова: Законно? Знаем мы ваши законы! Вы сами их пишете...

Аполлон: Помолчи, Марго. *(Загребатову)* Покажите бумаги.

Загребатов: *S'il vous plaît* *(передает бумагу)*.

Аполлон: Счета, реквизиты... печати... Как же так?.. Как вы это сделали?!

Загребатов: Все делают деньги.

Аполлон: Нет... не все *(рвет бумагу)*. Кое-что могут и люди!

Загребатов: Эх... папаша... ведь это всего лишь заверенные копии... Зря старались.

Аполлон: Не может быть... Это опять какая-то шутка... Нет, я не могу поверить, чтобы вот так, среди бела дня, отнять театр, жизнь, все... ведь это разбой... нет я не верю. Ведь это шутка? Лидочка, Василь Василич, признайтесь же, это шутка!..

Грызунов *(вдребезги пьяный)*: Расступись, народ право-

славный! *(Вырывает из кармана пистолет.)* Пропустите! Не за себя, за русскую культуру грех на душу беру! Расступись!

Аполлон: Что это у него в руке, пистолет?

Курчаевский: Бутафорский... Со сцены взял... Сашка, брось дурить, ну!

(Грызунов стреляет, Загребатов падает.)

Аполлон: Потрясающая искренность! Саша, что ж ты раньше молчал? Ты же хороший актер! А сидел в заплатах...

Выкрутасова: Убит!

Аполлон: Кто убит? Да бросьте... Спектакль окончен... Василь Василич, поднимайтесь. У вас это вышло ненатурально. Если хотите, я научу вас падать...

Забугор-Летаева: Зато кровь очень похожа... Как на постановке «Марии Стюарт» в «Ренессансе», там, знаете, все было так натурально, так естественно... *(Тютикову)* Юноша, вы помните эту кровь, стекающую с эшафота... так это было ярко, так правдиво!.. Налейте мне шампанского... Хотите я открою вам, отчего русский человек не хочет быть богатым?.. Я поняла это в Токио, близ императорского дворца... Помните эти живописные парки, где цветет сакура... Лейте, лейте... Так вот, русский человек не хочет быть богатым, потому что не знает, каково это... Вам нравится этот перстень, юноша? Я купила его в Цюрихе... Не осталось ли там еще коньяку?..

Выкрутасова: По-моему он ждет аплодисментов... Аплодисменты, господа!

(Все, кроме Грызунова, хлопают.)

Тютиков *(наклоняется к Загребатову):* Он мертв...

Курчаевский: Так мы вам и поверили...

Аполлон: Вот молодежь! Сплошь негодяи! Ну допустим что мертв... Давайте этюдом... Что дальше по действию?

Тютиков: Дальше? Следствие...

Аполлон: Вот я вас и спрашиваю: какое следствие?

Тютиков: Уголовное.

Аполлон: Не интересно... Ищите...

Тютиков: Что искать?

Аполлон: Развитие...

Тютиков: Может, похороны?

Аполлон: Уже лучше... но все-таки не то...

Тютиков: Воскрешение?

Аполлон: М-м... Религиозные мотивы... А в следующем акте разыграем второе пришествие? Не пойдет... Вот смотрите, он сам вам подсказывает, видите, под ним растекается пятно? Его надо играть, ведь это он для вас старается, а вы стоите и не видите... Пионерский театр! Что с вами делать?

Выкрутасова: Ему, наверное, сыро...

Тютиков: Ему уже все равно.

Аполлон: Нет ему не все равно. Он вам подал сигнал, вы должны его отыграть и от того, что вы предложите...

Курчаевский: Предложите ему выпить. Уверен, он не откажется...

Аполлон: Хороший ход! Поднесите ему бокал шампанского! Это, черт возьми, сюжет для рекламы... Примерно такой текст: **Dom Peregnon поднимает даже мертвых! Смотрите, показываю специально для вас...**

(Вбегают телевизионщики.)

Телевизионщики: Там... Проводка старая, мы запитались, а оно коротнуло! Сперва кулиса пошла, а там и все запольхало...

Аполлон: Что?.. Мой театр!.. Скорей! Вызывайте пожарных! Тушите!

(Курчаевский, Грызунов, Тютиков и Телевизионщики, кордебалет, цыгане убегают.)

Выкрутасова *(истерически смеется):* Ха-ха! А я, когда эту тарабарщину несла со сцены, все думала: как это мы со стыда не сгорим?

Аполлон *(мечется по сцене):* Накаркала, Кассандра!

Выкрутасова: Мне простительно... Я кое-что и похуже в этой пьесе...

Аполлон: Молчать! Всех на панель пущу! Будете кто чем может мне на новый театр зарабатывать!..

(Запыхавшись, весь в саже, вбегает Тютиков.)

Аполлон: Ну? Что там?!

Курчаевский: Не потушить! Спасайтесь!..

Аполлон: Наказал-таки бог... *(Бросается к Загребатову.)* Эй вы, это все ваша затея! Что вы валяетесь? Делайте же что-нибудь!.. *(Замирает пораженный.)* Черт побери...

Лидочка: А-а!

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Действие первое	4
Действие второе.....	26
Действие третье	33

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ СОЛДАТОВ
Закулисье

Комедия в 3-х действиях

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров
Сдано в набор 17.08.2009
Подписано в печать 28.08.2009

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2,
стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 697-06-89.